

В то время как заседания Визенгамота обычно не транслировались на обозрение широкой публики, в данном случае Фадж, казалось бы, был твердо уверен в себе, и, желая убедиться в том, что каждый представитель народа станет свидетелем падения великого Гарри Поттера, неосмотрительно приказал сделать заседания Визенгамота открытыми. Но теперь, с разнесением в пух и прах всех его аргументов и оправданием молодого человека, его поспешное и самоуверенное решение наверняка могло повлечь за собой неприятные последствия, обеспечивая Корнелиусу, в лучшем случае, сомнительную популярность, а Поттеру – огромный успех. Каким будет этот успех – и будет ли это, в конечном счете, стоить Министру его нагретого кресла – пока только предстояло узнать.

В то время как большая часть страны обращала посредственное внимание на судебный процесс (а Гарри Поттер все же был большим новостным поводом в Британском волшебном мире), вещание нигде не анализировалось так пристально, как в доме на Площади Гриммо. Дружелюбие и привязанность к молодому волшебнику в этом доме ощущались больше всего, увеличивая и без того высокий общий уровень тревоги, несмотря на внешне уверенных в положительном исходе дела обитателей и их утверждения о том, что Дамблдор никогда не допустит исключения Гарри из Хогвартса. Но, несмотря на то, что голоса жителей дома на Площади Гриммо сливались, озвучивая одни и те же банальности, у каждого из них было свое мнение о конечном исходе дела и дальнейшей судьбе парня, который стал важен для всех этих людей в общем и для каждого из них в частности. Все они внимательно слушали и мучительно переживали каждый этап заседания, и только после того, как процесс прошел все опасные повороты, сглаживая возвращение убийцы, приговор был публично оглашен, а все обвинения сняты Министром, домом наконец-то завладело общее чувство облегчения от того, что Гарри избежал судебной ответственности.

Но, отбросив облегчение и удовлетворение тем, как Жан-Себастьян настаивал на публичных извинениях, реакция присутствующих на новость о помолвке Гарри с красивой Французской волшебницей была настолько разнообразна, насколько разными были и люди, собравшиеся в комнате.

Ремус, в своем прошлом – Мародер, который наверняка почувствовал всю тонкость шутки, только что сыгранной с Министром, молча аплодировал своему другу, благодаря Сириуса за то, что он сделал хотя бы что-то для спасения своего крестника вместо того, чтобы изнывать от хандры в окрестностях Площади Гриммо. Он также был рад, что Сириус наконец-то получит необходимое ему лечение и будет освобожден от исполнения незаслуженного наказания. Все же, если быть до конца честным, Ремус до сих пор чувствовал себя виноватым за то, что поверил, что Сириус действительно был способен на предательство, расплачиваясь за которое он провел уйму лет своей жизни под тюремным замком.

Тонкс, которая встретила Гарри приблизительно неделю назад и уже считала его почетным младшим братом, уже предвкушала прекрасную возможность для поддразниваний ее застенчивого друга на предмет его помолвки с красивой француженкой. Она была Аврором – и, несмотря на это новое для нее занятие, ей все еще казалось, что она сможет пригодиться Гарри, обучая его тому, что знает она сама. Возможность сражаться только поможет ему в предстоящей борьбе, и он был, в конечном счете, в том возрасте и степени зрелости, когда ему уже можно было преподавать уроки нескольких сложных заклинаний, обязательно бы

пригодившихся ему в будущем.

Фред и Джордж были просто счастливы за своего приятеля, разделяя мнение друг друга, – настолько близко, насколько могут только близнецы – что столь неординарное событие, несомненно, гармонично влилось в атмосферу неординарного мира Гарри.

Даже Билли Уизли, не очень хорошо знавший Гарри, был счастлив за этого, однозначно симпатичного ему, парня, которому, наконец, воздалось по заслугам. Но, тем не менее, вместе с этим им овладело и неопределенное чувство потери – он видел молодую французскую волшебницу на турнире в июне прошлого года и был мгновенно ею сражен. И теперь она оказалась вне пределов его досягаемости.

Джинни отреагировала на новость громче остальных – впрочем, люди, окружавшие ее, не видели в этом ничего удивительного, – громко всхлипнув, девушка начала рыдать, судорожно обнимая мать и горько сокрушаясь о несправедливости мира.

Утешая дочь, Молли Уизли, внешне не особо расстроенная развитием событий, злилась не меньше своего ребенка: она всегда грела надежду на то, что Гарри полюбит Джиневру и присоединится к семье Уизли через брак с младшим ребенком Молли и Артура. С самого детства она во всем поддерживала свою дочь, тем самым частично поспособствовав этому любовному увлечению, которое теперь обернулось против Джинни настоящим горем. Молли даже подумать не могла о том, что такое может произойти. Она знала родителей Гарри, когда те еще были детьми, и после рождения дочери, чуть больше, чем через год после рождения Гарри, у нее сразу возникла идея о том, что ее маленькая Джиневра могла бы стать идеальной парой для наследника Поттеров. И сейчас те самые грандиозные планы превратились в не менее грандиозные руины.

Реакция Рона Уизли была более неоднозначной, чем у большинства собравшихся в комнате: частично из-за его тесной связи с Гарри и всего, что между ними произошло (особенно в прошлом году), частично – из-за чувств Рона к одной волшебнице с волосами каштанового цвета.

Проще говоря, у Рона были явные проблемы с самооценкой, хотя сам он, конечно же, так не считал. Младший среди шести детей-мальчишек, он всегда старался изо всех сил, чтобы поспевать за пятью успешными и популярными братьями, не говоря уже о младшей сестре, которая была любимицей в семье и первой девочкой в истории нескольких поколений семьи Уизли. Добавьте к этому тот факт, что он стал, пусть и случайно, близким другом Гарри Поттера, самого известного человека своего времени... Теперь легко понять, почему Рон чувствовал себя немного сбитым в спутанном ритме жизни?

Камнем преткновения была слава Гарри, которая частично встала позади их прочих проблем во время Турнира. Ведь не было похоже, чтобы Рон действительно верил в то, что Гарри попал на Турнир обманом или пытался тем самым обрести еще большую известность. По крайней

мере, Рон точно пришел к пониманию этого, пусть даже задним числом, после проявления истинной причины, по которой Гарри был насильно внедрен в Турнир. В конце концов, их тесные дружеские отношения прямо указывали на то, что Рон, больше, чем кто-либо другой, за исключением, возможно, Гермионы, знал, как сильно Гарри ненавидел свою славу. Но когда имя Гарри вылетело из кубка, для Рона это стало очередным примером того, как его друг снова получает все внимание и славу. Не имело значения, хотел он того или нет. А ведь Рон жаждал для себя большего признания – конечно, не такого же, какое обычно получал Гарри (Уизли отчетливо понимал, что такой массив внимания стал бы для него невыносимым). Нет, Рон лишь хотел получить столько лавров, сколько хватило бы для того, чтобы он наконец-то смог быть известным в качестве Рона Уизли... а не в качестве «лучшего друга Мальчика-Который-Выжил» или «младшего сына Уизли».

Конечно, теперь он горько жалел о своих поспешных и безрассудных заявлениях, высказанных в прошлый Хеллоуин. Как только Рон сделал первый шаг к примирению, Гарри сразу же простил его в своей обычной манере, даже не моргнув глазом – из всех людей, которых когда-либо встречал Рон, у Гарри было самое большое сердце, что казалось невыносимым, если рассматривать особенности воспитания маленького Поттера. Рон был уверен в том, что если бы на месте Гарри оказался другой мальчик, его нерадивые опекуны сделали бы из бедолаги совершенно иного человека. Но, несмотря на то, что Гарри принял извинения Рона и простил его, между ними образовалась некая дистанция, которой никогда не было раньше... и которую Рон не мог преодолеть.

Но еще больше, чем о возникшем расстоянии между ним и лучшим другом, Рон сожалел о том, что его кошмарное поведение фактически оттолкнуло Гермиону. Она изначально горячо поддерживала Гарри и верила ему – Рону следовало понять, что она будет это делать несмотря ни на что. Гермиона росла еще большим аутсайдером, чем Гарри – и она никогда не предала бы их дружбу, не случилось что-нибудь совсем уж катастрофичное, способное полностью уничтожить их взаимоотношения. И это даже не принимая во внимание близость, которую она всегда разделяла с Гарри, и которая, как подозревал Рон, превосходила близость между самим Роном и Гарри.

В то время, как Гарри был его лучшим другом, Рон хотел, чтобы Гермиона была для него кем-то больше – гораздо больше. Конечно, его дружба с Гермионой осталась такой же, как всегда; они так же держались вместе и защищали друг друга, одновременно продолжая бороться друг с другом.

Но, в то же время, Рон старался спорить с ней меньше, пытаясь быть более податливым, практически ухаживая за ней без каких-либо явных действий. Это было трудно – в конце концов, вещи, которые интересовали ее больше всего (извечный микс из книг и учебы), не очень хорошо сочетались с его любовью к Квиддичу и шахматам. Однако независимо от их различий в характере, Гермиона постепенно превращалась в привлекательную девушку, с которой он хотел общаться на более личном, интимном уровне. Если только Гарри не хотел того же.

В таком случае тайное желание Рона бы несправедливым – все же, Гарри был стержнем, который соединял их, и когда друзья разругались, Рон думал о том, что Гермиона вряд ли станет чем-то большим, чем просто очередной надоедливой девчонкой, с какими он контактировал немало в год, когда они с Гарри были в ссоре.

Но без Гарри не случилось бы и никакой конкуренции за ее любовь и расположение – в этом Рон был уверен на сто процентов.

Некоторые считали Рона медлительным и грубоватым, когда дело доходило до общения с окружающими, и если судить объективно, сам Уизли знал, что вечно погружен в свои мысли и частенько пропускает мимо ушей то, о чем разговаривают другие. Но Рона точно нельзя было назвать глупым, и в некоторых вопросах он был гораздо выше среднего уровня развития. Он попытался быть более наблюдательным по отношению к своим друзьям этим летом, особенно внимательно высматривая какие-либо намеки на сверх дружескую привязанность между его лучшими друзьями.

И то, что он между ними увидел, совсем ему не понравилось – без всяких прикрас и игры воображения с его стороны, они были близки. Слишком близки, и этого было достаточно для того, чтобы Рон перестал чувствовать себя комфортно. Их взгляды касались друг друга слишком долго, они прикасались друг к другу больше, чем нужно, – на первый взгляд, ничего кроме утешительного поглаживания по плечу или прикосновения рук в поисках поддержки – и их действия действительно казались взаимными. Это могло показаться платоническим и совершенно невинным чувством для незаинтересованного наблюдателя, но для Рона, уже некоторое время подмечающего особенности их общения, их действия были прозрачны и здорово ущемляли его амбиции.

С точки зрения Рональда, основной проблемой было то, что, если бы дело дошло до выбора между ним и Гарри, выбор Гермионы был бы – и, несомненно, будет – не в пользу рыжеволосого парня. Сознательно или бессознательно, Гермиона всегда ставила Гарри на первое место, и если Гарри проявит хотя бы малейший интерес к Гермионе, Рон знал, что она сделает свой выбор автоматически. И он не сможет сделать ничего, чтобы смогло бы изменить ее предпочтения.

Но события, произошедшие сегодняшним утром, перевернули все с ног на голову и, что самое удивительное, сработали в пользу Рона. Будучи помолвленным с другой, теперь Гарри едва ли бы смог хоть как-то конкурировать с Роном в погоне за признанием Гермионы, и этот факт приободрил Рона. Казалось, на этот раз судьба наконец-то начала действовать в его интересах.

А затем другую часть Рона – ревнивое чудовище, которое подняло свою уродливую голову в прошлом году во время Турнира, – пришлось кое-как заткнуть, ведь Гарри в очередной раз удалось без каких-либо усилий снова выйти из ситуации победителем. Он в одно мгновение стал женихом молодой девушки, которая была, возможно, самой красивой из всех, на кого когда-либо положил свой глаз Рональд. Как, во имя Мерлина, Гарри опять настолько повезло?

Покачав головой, Рон решил уйти от своих раздумий и украдкой посмотрел на девушку, которая, как он надеялся, обязательно станет в его жизни кем-то большим, чем просто другом. Гермиона тихо сидела, уставившись на что-то, что могла видеть лишь одна она, и, по ощущениям Рона, вот-вот готовая взорваться. Она явно не разделяла радость Рона: вне всяких сомнений, Гарри в одно мгновение оказался занят.

Тем не менее, это снова может сработать в пользу Рона. Возможно, он мог бы теперь быть

рядом с ней, подставив дружеское плечо ее проблемам.

Да будет так, решил Рон. Он забудет об удачливости Гарри и сосредоточится на своей. Он обязательно завоюет сердце Гермионы!

Предмет размышлений Рона в это время был охвачен своими мыслями.

Гарри оправдали. Его у нее не отнимут – в этом году он вместе с ней вернется в Хогвартс, и все будет так, как было раньше.

Но Гермиона знала, что в этот самый момент обманывает саму себя – все изменилось. Конечно, Гарри по-прежнему останется ее лучшим другом и человеком, которому она сможет доверить все, что угодно; они будут продолжать все делать вместе, она по-прежнему будет видеть его каждый день.

Но теперь это будет проходить по-другому. Новый Гарри помолвлен с другой, и, в конце концов, должен хранить ей верность. А Гермиона перестанет быть главной женщиной в его жизни.

Гермиона знала, что должна быть счастлива за Гарри – счастлива, что ему удалось избежать судьбы, к которой его готовил Фадж; счастлива, что он останется важной частью ее жизни.

Но какая-то часть ее – маленькая, неуловимая часть, которую она не могла изменить, - не чувствовала ничего, кроме горя из-за новости о его помолвке с красивой французской ведьмой. Как она могла конкурировать с кем-то вроде Флер Делакур? Конечно же, никак. Теперь он занят, и точка. Ничего не сможет изменить этот факт. Она никогда не станет для него большим, чем лучший друг, и уже неважно, что они для этого почти созрели.

Как это могло произойти? Как она могла носить в себе эти чувства, даже не подозревая о них? Как это проскользнуло мимо ее острого ума, который привык улавливать и подмечать каждую мелочь? Как теперь быть?

Она неосознанно посмотрела на своего второго друга, Рона Уизли, который, казалось, потерялся в закоулках своих мыслей. Гермиона не знала о его чувствах к ней. Он не был из числа тех людей, которые скрывают свои эмоции; они, как правило, были видны каждому, и Гермиона считала, что все нормально, несмотря на всю свою наблюдательность. Она ничего не знала о чувствах Рона, ведь ее внимание в значительной степени было приковано к Гарри с того момента, как он приехал с Площади Гриммо, но она знала, что у Рона есть к ней некий интерес, хоть и была озабочена вниманием их третьего друга.

Что Гермиона не знала наверняка, так это будет ли она реанимировать чувства Рона.

Рональд был хорошим другом, и, хотя он иногда пребывал в ревнивых припадках и постоянно с ней спорил, он так же отчаянно защищал ее. Гермиона всегда знала, что, возможно, в конечном итоге останется с одним из своих двух лучших друзей, но до сегодняшнего дня всегда думала о том, что этим другом будет Гарри, а не Рон. Она и Гарри взаимодействовали гораздо лучше, чем она и Рон. С одной стороны, они редко спорили, и, хотя ее склонность к командованию и наставлениям раздражали Гарри так же, как и Рона (в ее защиту, Гермиона тщательно боролась с этой чертой своего характера), она все же знала, что ее сила и решительность иногда помогали ему в периоды апатии, в то время, как его безграничная смелость и веселый характер помогали ей справляться с переутомлением и сиюминутной робостью. Она серьезно сомневалась в том, что осмелилась бы ударить Малфоя на третьем курсе, если бы не влияние Гарри.

А что было общего у них с Роном? На ум ничего не приходило, но все, что она могла вспомнить, это их частые споры и постоянное стремление Рона умалить ее достижения или старание обесценить что-нибудь, что ей нравилось.

Тем не менее, теперь стало очевидно, что если она все же останется с одним из своих лучших друзей, это точно будет Рон, так как Гарри теперь недоступен. Это было трудно принять, но она знала, что ради их общего блага ей придется подавлять чувства, которые она всегда питала к Гарри – иного выбора нет.

Но сможет ли она перенести эти чувства на Рона?

Оставив Гарри снаружи, в приемной, Жан-Себастьян вошел в кабинет министра, увидев, что Директор и Министр уже его ждут: один – с приветливой улыбкой, другой – с выражением измученного терпения, застывшим плотной маской на лице. Жан-Себастьян едва сдерживался от того, чтобы закатить глаза – именно такого отношения и следовало ожидать от трусливого недоразумения вроде министра. Оставалось надеяться, что эта встреча немного собьет с него спесь.

Кабинет был большим и богато обставленным. Обивка мебели из лучшей драконьей кожи, стены, увешанные картинами, – все углы и закоулки были заполнены элитными вещами и предметами искусства, расставленными тут и там с тонким намеком на организацию и стиль. Очевидно, кабинет принадлежал человеку, который любил комфорт и, кажется, все рассчитал для того, чтобы постоянно напоминать посетителям, что место занято, и занято оно в обширных пределах обозримого будущего. Вкус оформления был неважен, если, конечно, броские и пошлые украшения могли о чем-то говорить, и создатель не преследовал иной цели, кроме как дубасить невольных зрителей сего великолепия по голове кричащим богатством его владельца.

«Этот человек явно нуждается в услугах дизайнера по интерьеру», – подумал Жан-Себастьян с сардоническим смехом. Если ему повезет, министр больше не будет занимать этот кабинет.

Кажется, он прервал разговор, который они вели, - который, если верить его дипломатическому чутью, состоял из лавины жалоб со стороны Министра. Комментарии же со стороны Директора были, вероятно, смутно успокаивающими, но в большей степени уклончивыми. Ну а предмет этих жалоб был стопроцентно очевиден.

- Присаживайтесь, господин посол, - сказал Дамблдор, махнув рукой на один из стульев.

Министр недобро взглянул на Дамблдора, по-видимому, не совсем довольный командованием Альбуса в своем кабинете, но вслух говорил мало, плохо скрывая чувства за вежливым тоном.

Тихонько смеясь про себя, Жан-Себастьян сел в указанное кресло и взглянул на Министра, пытаясь предугадать реакцию Фаджа на его предстоящее маленькое объявление. Кажется, ничего хорошего не произойдет.

После кратковременного молчания Фадж картинно вздохнул и свирепо уставился на Жана-Себастьяна:

- Дамблдор сказал мне, что вы просили устроить эту встречу, посол, - выдавил он. - Если у вас есть, что мне сказать, то, пожалуйста, говорите. Я занятой человек.

Жан-Себастьян слегка наклонил голову, подавив приступ смеха над напыщенностью этого человека:

- Да, действительно, мне есть, что сказать, Министр. Я здесь по нескольким причинам. В первую очередь, для того, чтобы убедиться, что действия, которые мы обсуждали в зале судебных заседаний, будут осуществлены без задержек.

Фадж одарил его враждебным взглядом.

- Посол, я не буду вам врать - я крайне недоволен результатом этого разбирательства. Ваш подопечный стал бельмом на глазу Министерства с тех пор, как поступил в Хогвартс, и я недоволен тем, что он стал извечным любимчиком, как и тем, что мы сделали для того, чтобы принять маленького мальчика, чей единственный повод для славы заключался в несчастном случае, который произошел, когда он был простым ребенком.

- Любимчиком? Вы имеете в виду сфабрикованное дело, содействующее убийце и отрицающее базовые права? Это называется «любимчик»? - тихо вмешался Жан-Себастьян, чей голос звучал убийственно серьезно и отнюдь не дружелюбно.

Приостановившись, услышав яд в голосе Жана-Себастьяна, Фадж все же решил проигнорировать его слова и продолжил, как ни в чем не бывало:

- Независимо от моего личного мнения по этому вопросу, уверяю вас, что все, что мы

пообещали, будет исполнено. Вы получите ваши извинения в завтрашнем номере Пророка – задание уже дано соответствующему человеку, а репортер Пророка уже на полпути к Министерству. Что же касается мистера Блэка, он предстанет перед судом сразу же, как только сможет.

И хотя Жан-Себастьян отметил, что Фадж при разговоре опустил свое обещание расследовать вопрос о возвращении Волан-де-Морта, он знал, что от этого человека нельзя получить чего-то большего, учитывая состояние его ума. Темный Лорд подождет до лучших времен – сегодня Жан-Себастьян преследовал иные цели.

Дело Сириуса было тем делом, которое в настоящее время не влияло на личное положение Фаджа так, как могло повлиять в самом начале его правления. Жан-Себастьян знал, что Фадж может позволить себе проявить великодушие в этом вопросе, и Делакур решил, что ему лучше проявить благодарность за обещания министра относительно Сириуса Блэка – это могло сыграть Жану-Себастьяну на руку, учитывая предстоящие беседы, которые точно не придется Английскому Министру по вкусу.

- Замечательно, Министр. Пожалуйста, держите меня в курсе вещей о состоянии вашего расследования и установите дату и время, в которые Мистер Блэк вернется в Англию. Я уверяю вас, он вернется строго в назначенное время.

- Прекрасно, - отмахнулся Фадж. – Теперь же, если вопросов ко мне не осталось...

- Вообще-то, министр, у меня есть к вам еще одно дело, - Жан-Себастьян прочитал в глазах Фаджа досаду, скрашенную небольшим намеком на опасение, ведь до сих пор предупреждения Жана-Себастьяна а-ля «у меня есть еще одно дело» оборачивались чрезвычайно плохо для покоя Министра.

- На самом деле, господин посол, - ответил он с укором в голосе – Я думаю, что у вас уже и так было сегодня немало дел, чтобы обеспечить их продвижение на всю мою оставшуюся жизнь. Думаю, еще одно может подождать до следующего раза.

- Боюсь, что нет, Министр. Сегодня я должен передать вам приветствие от Французского Министерства и некоторые новости, которые вас заинтересуют и повлияют на британско-французские отношения.

- Очень хорошо, - ответил Фадж. Он держался в небрежной манере, но глаза его блестели, как агаты. – Будьте любезны, продолжайте, хотя я не могу представить, что такого может передать Французское Министерство, чтобы не воспользоваться услугами постоянного посла Франции в Англии. Ваш представитель посол Трамбле сейчас не в стране?

- Он здесь, - ответил Жан-Себастьян, внимательно наблюдая за Фаджем. – В действительности, мое самое главное дело на сегодня – сообщить вам, что господин Трамбле перешел на другую должность во Французском Министерстве. В связи с этим перемещением, моей квалификацией и уникальными требованиями в отношении Гарри Поттера и его дальнейшего обучения в

Хогвартсе, я принял решение стать послом Франции в Англии, которое вступает в силу немедленно. Мое решение будет официально объявлено вашему правительству уже завтра.

От недовольства и гнева лицо Фаджа потемнело. Он бешено уставился на Жана-Себастьяна через стол, и что-то подсказывало Жану-Себастьяну, что Министр это предвидел. В конце концов, учитывая события утра и квалификацию Жана-Себастьяна, Министр должен был знать, что Делакур ему не доверяет и хочет внимательно рассмотреть взаимодействие Гарри с представителями властей магической Британии. К тому же (хотя уж об этом Фадж мог и не знать), Жан-Себастьян не относился к тем родителям, которые запросто могут отправить своих детей на обучение в другую страну – он предпочитал гораздо более близкое расположение учебных заведений; и даже если это была школа-интернат, подобная Хогвартсу, желание находиться со своим подопечным в этой же стране никуда не исчезало. К сожалению – или счастью, в зависимости от того, с чьей стороны расценивать, – не было похоже, что Фадж продумал все наперед.

- Не уверен, что могу согласиться с вашим назначением, господин посол, – наконец, произнес Фадж. – Английское Министерство не особо оценит ваш тяжеловесный стиль, и я уверен, что ваше назначение только навредит отношениям между нашими государствами.

Жан-Себастьян лишь расхохотался в ответ, отчего лицо Фаджа потемнело еще больше:

- Наоборот, Министр, я нахожусь в прекрасных отношениях с председателем Визенгамота, – он кивнул Дамблдору, который, в свою очередь, тоже кивнул Жану-Себастьяну, – частично, из-за нашего предыдущего взаимодействия в Международной Конфедерации Магов. Я лично знаком с большинством руководителей ваших отделов и хорошо знаю об английских традициях и обычаях, благодаря тому, что жил здесь несколько лет в юности. Также я знаком с работой вашего Министерства, благодаря различным контактам и многолетнему опыту работы с вашим правительством. Мне кажется, я очень хорошо подхожу для этой должности, министр. Мне также кажется, что только вы видите во мне проблему.

- Но это мое правительство! – отрезал Фадж. – Вам придется вернуться в ваше Министерство и сказать им, чтобы они прислали кого-нибудь еще.

- Ваше правительство? – презрительно фыркнул Жан-Себастьян. – Вы же не подразумеваете под этим словосочетанием себя? Министр – всего лишь слуга народа, разве не так?

Глаза Фаджа сузились, а губы неприязненно скривились:

- Вы можете быть уверены, я поговорю об этом с вашим Министром.

Жан-Себастьян слегка наклонил голову, демонстрируя чувство полного безразличия. Затем он взбесил Фаджа еще больше, переместив взгляд вниз и вычистив невидимую грязь из-под ногтей, указывая на свое полное презрение к министру Великобритании.

- Буду ждать вас в гости, Министр. Мое назначение было инициировано Министерством Франции при полной поддержке нашей законодательной власти, так что, могу вас заверить, Министр Франции подтвердит все, что я вам сказал. И, говоря до конца, пока у вас не найдется законных причин, чтобы отказать мне, мое правительство может назначить на должность представителя любого человека, которого посчитают подходящим, хотите вы того или нет.

Жан-Себастьян удосужился лишь сухого кивка со стороны Фаджа, который, видимо, понял, что его в очередной раз загнали в угол.

- Мои домашние эльфы немедленно начнут перевозить личные вещи моей семьи в посольскую резиденцию. В понедельник утром я буду полностью к вашим услугам.

Ответом послужил очередной кивок, и, хотя Фадж очевидно, не был доволен таким исходом разговора, он, по крайней мере, смог собрать в кулак все свое достоинство, чтобы избежать повтора своих бесполезных возражений, которые точно не сыграли бы никакой роли.

- И мы подошли к следующему пункту, - продолжил Жан-Себастьян, обращаясь к Дамблдору. - Так как моя семья переедет в Англию, я бы хотел, чтобы все юные волшебники, находящиеся под моей опекой, обучались в одной школе. Я прошу вас о переводе Флер в Хогвартс на последнем году ее обучения.

- Конечно, господин посол, - ответил Дамблдор, не обращая внимания на бешено пульсирующую вену на виске Фаджа - Попросите Мадам Максим предоставить Вам копию стенограммы Флер. Я поручу своему заместителю отправить к вам сову с письмом в течение нескольких дней. Мы будем рады зачислить в нашу школу чемпиона Шармбатона.

Несмотря на то, что разговаривает с Дамблдором, Жан-Себастьян все это время следил за Фаджем, наблюдая, как его недовольство превращается в выражение ярости, в полной мере завладевшей его лицом. Он был достаточно умен, чтобы держать язык за зубами и в этот раз, но не нужно быть гением, чтобы понять, что именно думает Фадж об обучении Флер в лучшей Английской школе. Но пришло время в точности объяснить Министру, что теперь будет происходить.

Жан-Себастьян взглянул на Министра и позволил себе изобразить выражение полнейшей неприязни и отвращения, отметив соответствующий взгляд, направленный на него самого. Он усмехнулся про себя, развлекаясь умением провоцировать негативную реакцию в этом напыщенном мерзавце.

- Министр, позвольте мне объясниться. Гарри Поттер теперь мой подопечный, и он и моя дочь Флер в этом году будут посещать Хогвартс вместе. Международная Конфедерация Волшебников проголосовала подавляющим большинством голосов в поддержку Гарри и, что немаловажно, его крестного отца. Поэтому любая ваша попытка, равно как и попытка вашего правительства, задеть его или вступить в конфликт со мной или моей семьей приведет к росту напряженности в отношениях с Францией и изоляции Британии от остальной части волшебного мира. Я предлагаю вам тщательно планировать каждый шаг... Или, быть может,

причиной вашего недовольства выступает моя дочь?

- Ваша дочь не имеет к Хогвартсу никакого отношения, - бушевал Министр. - Наша лучшая школа предназначена для лучших и самых способных студентов Великобритании, а не для каких-то... иностранцев...

- Предлагаю вам остановиться прямо сейчас, - прервал его Жан-Себастьян ледяным голосом. - Не считайте меня несведущим в вопросах вашего мелкого Британского фанатизма и презрения к любому, кто не отвечает вашим жалким стандартам расовой принадлежности и чистоты крови - ваши попытки скрыть возражения за маской иностранной дискриминации оскорбительны и не делают вам чести. Тот факт, что многие из ваших соотечественников удовлетворяют ваши чрезвычайно высокие стандарты чистоты крови, фанатизма и презренного снобизма, ничего для меня не значит - как и для любого другого здравомыслящего человека. Флер - высоко образованная и компетентная волшебница и, не чета вашей узконаправленности, она не такой человек, как вы или я. Она - чемпион этого проклятого турнира, который вы проводите в этой самой стране во славу Мерлина!

- И мы все прекрасно знаем, как она справилась с этим турниром! - фыркнул Фадж. Его рот снова искривился в неприятной усмешке.

- Я подозреваю, что лучше, чем смог бы сквиб вроде вас, - выплюнул Жан-Себастьян, чувствуя почти непреодолимое желание шарахнуть своего собеседника Забвением.

Министр вытаращил глаза, готовый выбросить еще одну реплику, но Дамблдор вовремя вмешался, пытаясь разрядить обстановку:

- Господин Министр, господин посол, думаю, этот диалог вряд ли является конструктивным. Корнелиус, вам прекрасно известно о том, что устав Хогвартса исключает дискриминацию будущих студентов по чистоте крови, расе, национальности или любому другому фактору. С точки зрения закона, если у меня есть все основания принять эту студентку - а они у меня, несомненно, есть -, я не могу отказать Мисс Делакур в переводе в нашу школу, и я не откажу, даже если бы у меня была такая возможность. Она замечательная девушка, и вам хорошо известно о причинах ее участия в турнире и вмешательстве со стороны Бартемиуса Крауча-младшего. Не сомневаюсь в том, что она прекрасно впишется в атмосферу Хогвартса и станет приятным пополнением в наших рядах. Не усложняйте ситуацию устаревшими представлениями о чистоте крови или аргументами относительно статуса Вейлы, о природе которого нам всем известно.

Уверенный в том, что вена на виске Министра вот-вот лопнет, Жан-Себастьян обменялся с ним взглядом, полным отвращения. Но продолжалось это недолго - Фадж лично обратился к Директору и оставил Жана-Себастьяна наедине с самим собой. Это было первое правильное решение, которое принял Корнелиус за весь день.

- Хорошо! - бросил Фадж. - Ваша дочь может посещать Хогвартс и искать внимания там. А сейчас оставьте меня - у меня слишком много работы.

Жан-Себастьян стоял, будучи не в силах уйти без короткого послания напоследок. Он навис над Министром, зная, что его рост и резкие манеры страшны для незадачливого Фаджа, сжавшегося от натиска.

- Поймите меня правильно, - прорычал Жан-Себастьян голосом, сочившимся угрозой. - Я не потерплю никакого вмешательства с вашей или с чьей-либо еще стороны вашего правительства. Не испытывайте мое терпение, Министр, - чеканя каждое слово с наивысшим пренебрежением, которое только мог показать, продолжил он, - иначе результат вам не понравится.

Он развернулся и стремительно вышел из кабинета, буквально пробежав сквозь приемную напрямик к Гарри, прошедшему мимо испуганного помощника Фаджа. Гарри бросил быстрый взгляд на лицо Жана-Себастьяна и безропотно вышел за ним. И хотя его опекун не хотел заставлять парня съезживаться или чувствовать себя напуганным, ему понадобилось несколько минут ходьбы по коридорам и лестницам Министерства, прежде чем навыки Окклюменции взяли свое и заставили его справиться с нарастающим бешенством по отношению к бессильному и бесполезному Британскому Министру. С этим человеком что-то придется делать, или война уже заведомо может стать проигранной.

Они уже достигли Атриума, как Жан-Себастьян, наконец, замедлил ход и повернулся к Гарри, заметив выражение недоверчивого опасения на его лице. Он улыбнулся парню, чтобы показать ему, что он уже не зол, отмечая про себя, что с робостью и отсутствием уверенности у Гарри нужно что-то делать - эти черты его характера не сыграют ему на руку при столкновении с мерзко-сумасшедшим Волан-де-Мортом.

- Мне очень жаль, Гарри, но, похоже, ваш Министр сумел пробудить во мне монстра, - прокомментировал он с усмешкой.

Глаза Гарри зажглись облегчением, и он сразу же вернул улыбку:

- Я понимаю, сэр.

- Ну же, Гарри, - проворчал он. - Кажется, мы договорились не называть меня «сэр».

Румянец Гарри и запинаящиеся ответы были очаровательны, но они все еще вызвали озадаченность и беспокойство посла. Он спрашивал себя, смирился ли мальчик со своими, так называемыми, новыми родственниками - да и Сириус знал о ситуации только в самых общих чертах. Как только здесь все более-менее успокоится, надо будет обратить свое внимание и на эти вопросы.

В этот момент к ним подошел Дамблдор с задумчивым выражением лица, которое абсолютно не сочеталось с безумным огнем в его глазах.

- Не собираюсь критиковать тебя, - сказал он с ноткой добродушия. - Но ты понимаешь, что

только что оскорбил и угрожал главе государства?

- А чем он отличается от остальных? – почти с дикой усмешкой ответил Жан-Себастьян. – Сам Министр Франции знает, что будет оскорблен мной в такой же манере, если будет поступать как осел!

- Действительно, - с веселой укоризной покачал головой Дамблдор.

Гарри выглядел слегка потерянным, но все же ухмылялся при упоминании о том, что кто-то посмел оскорбить Фаджа.

Жан-Себастьян вернул себе серьезность так же быстро, как и веселье секунду назад:

- Каковы шансы, что Министр сдержит свое обещание и займется расследованием возвращения Волан-де-Морта?

- Очень и очень невелики, - ответил Дамблдор. – Увы, Фадж когда-то был хорошим человеком и, что неоспоримо, он вполне сносен в качестве министра в мирное время, но, боюсь, он стал слишком одержим стремлением сохранить свой имидж, положение и определенные удобства, включая деньги и лесть, которые к ним прилагаются. Намного проще скрыть и утверждать, что ничего не было, чем делать по-настоящему правильные вещи. Такое отношение удивило бы меня, если бы представляло собой нечто большее, чем тактика простого сливания.

Жан-Себастьян кивнул, не ожидая ничего иного:

- Нам стоит обсудить этот вопрос, Директор, но не здесь, - он оглядел суматоху Министерства, не уверенный в том, что их не подслушивают прямо в эту минуту. – Думаю, разумнее поговорить об этом в более приватной обстановке.

- Полагаю, вы хотите взять юного Гарри с собой в замок вашей семьи сегодня вечером? – спросил Дамблдор, улыбнувшись своему студенту.

- Да, ответил Жан-Себастьян. – Думаю, ему надо начать привыкать к жизни с нами. К тому же, кое-кто, кого он наверняка хочет видеть, уже ждет его во Франции.

Гарри лишь улыбнулся в ответ, решительно кивнув, в свою очередь вызвав снисходительные улыбки у старших волшебников.

- Тогда нам лучше приступить к твоим делам, Гарри, - продолжил Делакур. – Сегодня вечером ты сможешь встретиться с Сириусом, и я представлю вас всей семье. Но не переживай – мы вернемся в Англию в начале недели, так что ты сможешь видаться со своими друзьями.

Выражение лица Гарри сказало Жану-Себастьяну все, о чем он хотел знать – он справился с ситуацией должным образом. Он знал о том, что у Гарри есть несколько близких друзей, с которыми он не хотел расставаться. Остается надеяться, что эти друзья хорошенько подружатся и с его дочерью – чтобы у нее тоже была поддержка.

Короткое путешествие обратно на Площадь Гриммо прошло гораздо легче, чем поездка в Министерство, во многом благодаря тому, что они наконец-то использовали каминную сеть вместо Маггловского способа передвижения, которое, впрочем, давало Гарри намного больше времени для того, чтобы думать. Несмотря на то, что с утра произошло довольно много вещей, о которых стоило поразмышлять, Гарри был благодарен за то, что ему не дали времени, чтобы потеряться в мыслях – ему потребуется гораздо больше, чем несколько минут, чтобы уложить в голове все изменения, произошедшие в его жизни благодаря утренним событиям. Все, что он хотел, - увидеть своих друзей, а потом – встретиться со своим крестным.

Прогулка сквозь Атриум была такой же неудобной, как с утра – снова все внимание в огромной комнате было направлено на Гарри, заставляя его чувствовать себя неудобно и напряженно. Разница заключалась в том, что утром собравшиеся в основном глазели на него и перешептывались между собой, а сейчас толпа была более дружелюбной, и не один человек окликнул его приветствиями и поздравлениями с благоприятным исходом судебного процесса. Он содрогнулся, подумав о том, что было бы, если бы угрозы Фаджа привели к менее успешным последствиям. Он знал об особенности общественности быть непостоянной, легко подвергаться влиянию господствующего мнения и, учитывая недавние события, не всегда держаться стороны справедливости.

Они на мгновение остановились возле Каминной сети, где Дамблдор передал Жану-Себастьяну небольшой кусочек бумаги. После того, как Жан-Себастьян кивнул, они вошли в камин один за другим, выходя из здания Министерства следом за Дамблдором.

Как и в предыдущие разы, когда он путешествовал с помощью этого адского устройства, Гарри, следуя за Дамблдором, в конечном итоге свалился в кучу на полу их места назначения. Усмехнувшись, недавно прибывший Жан-Себастьян помог ему подняться:

- Я вижу, мне придется научить тебя правильно передвигаться с помощью Каминной сети. В конце концов, мы не можем допустить, чтобы ты оказывался на полу каждый раз, когда используешь Летучий порошок.

Гарри поблагодарил его, снова почувствовав твердый пол под ногами, желая сейчас только одного – пойти к своим друзьям и поблагодарить их за поддержку.

- Ну, Гарри... Полагаю, все ждут нас в гостиной, - сказал Дамблдор, указывая на выход из комнаты.

Короткая прогулка до гостиной закончилась тем, что взор Гарри оказался полностью закрыт

богатой копной каштановых волос, ставших дополнением к тоскливым объятиям Гермионы.

- Мы так волновались, - прошептала она ему на ухо, сдерживая слезы.

- Спасибо, Гермиона, - тоже прошептал он, задыхаясь от собственных эмоций. - Ваша поддержка для меня все.

Он отстранился и заметил ее слезящиеся глаза, и то, как она пыталась держать свои чувства в узде. Она всегда была рядом с ним, несмотря ни на что. Гарри не совсем понимал, что он сделал, чтобы заслужить такого замечательного и стойкого друга.

Его размышления были прерваны приходом мальчишек Уизли, столпившихся вокруг него, поздравлявших с побегом и смеявшихся так, как обычно смеются люди, выражающие облегчение в такой эмоциональной манере.

Рон ничего не сказал - просто по-товарищески похлопал его по спине, с сияющим лицом глядя на друга. Близнецы, однако, герои совсем другой истории...

- Поздравляю, Гарри! - воскликнул один. - Ты снова выбрался из очередной ловушки.

- И в то же время оказался обрученным с красивой крошкой! - закончил другой.

Смех раздавался во всех уголках комнаты, когда Лунатик и Тонкс, вместе с Биллом Уизли, столпились вокруг, чтобы поздравить Гарри. Он украдкой взглянул на Жана-Себастьяна, любопытствуя, как он отреагировал на слова близнецов, но не увидел ничего, что могло бы сойти за недовольство их французского гостя. Казалось, ему нравились проделки друзей Гарри.

Оглядевшись, Гарри увидел Джинни и Миссис Уизли, но хотя на их лицах были улыбки, было видно, что эта радость вынужденная. Полностью сконфуженный, Гарри принимал поздравления от них обеих. Он чувствовал, что они были рады, что Гарри был освобожден от ответственности, но в то же время и на что-то обижались.

Все поздравления были приняты, приветствие друзей Гарри Жаном-Себастьяном прошло радушно, а потом его новый опекун отвел парня в сторону и тихо сказал ему забрать вещи, необходимые для их поездки. Гарри кивнул и вышел из комнаты, уводя с собой двух лучших друзей.

- Так что теперь, приятель? - спросил Рон.

Поднимаясь по лестнице, Гарри вышел в длинный коридор и направился к комнате, которую делил с Роном, с тоской оглядывая тусклый дом, который они отдраивали в друзьями на прошлой неделе - казалось, никакая чистка или мытье не способны побороть атмосферу гнетущего мрака, характеризовавшего этот полуразрушенный дом.

- Я еду во Францию сегодня с Жаном-Себастьяном, - ответил Гарри с отсутствующим видом, когда они вошли в спальню. - Сириус уже там, и я останусь с ним, Жаном-Себастьяном и его семьей на все выходные.

- Во Францию? - Рон от неожиданности моргнул.

- Да, Жан-Себастьян хочет, чтобы я остался с семьей и познакомился с ее членами.

Реакция у двух его друзей была диаметрально противоположной. Лицо Гермионы немного погрузнело, это было отражение ее чувств, расстройства тем, что время, которое они могли бы провести этим летом вместе, будет сокращено. Рон же, казалось, даже был немного оскорблен представившейся Гарри возможностью, но потом его взгляд сузился, глаза заблестели, когда он посмотрел на Гермиону, а на лице появилась удовлетворенная ухмылка.

Сдерживаясь, Гарри заставлял себя не смотреть на Гермиону - не дай Мерлин, Рон поймает такой же взгляд от нее, направленный в его сторону. И что бы он ни чувствовал или мог чувствовать по отношению к своей подруге, его помолвка с Флер ставила любую возможность романтических отношений с Гермионой вне зоны его досягаемости. Кажется, Рон получил, что хотел - внимание Гермионы без вмешательства конкурента в лице лучшего друга, способного вносить сумятицу. И сейчас Гарри не позволял себе даже думать об этом - он обязательно разложит все по полочкам своего сознания, но позже.

- Так лучше для тебя, - наконец, резюмировал Рон с небольшой долей самодовольства. - Оставлю тебя, чтобы ты смог собраться - ведь мы вдоволь пообщаемся в школе в этом году.

Еще раз похлопав Гарри по спине, Рон вышел из комнаты, не заметив ехидно поднятые брови и небольшие ухмылки на лицах друзей. Когда дверь за ним закрылась, они оба мягко рассмеялись, убедившись, что делают это тихо, чтобы Рон не смог их услышать, так как знали, что он плохо воспринимает насмешки, особенно в подобных вопросах.

- Предполагаю, он больше не будет наблюдать за нами как коршун за добычей, не так ли? - насмешливо протянул Гарри.

- Думаю, нет, - нахально протянула Гермиона, смеясь все громче.

- Итак, ты пойдешь за ним? - спросил Гарри небрежно, хотя в действительности ответ на этот вопрос был важен для него по каким-то неуловимым причинам. Или уловимым, но все еще им не признанным.

- Не думаю, что он настолько мне нравится, - ответила она после минутного раздумья. - Конечно, ты знаешь Рона. Он может так и не набраться смелости, чтобы спросить об этом...

Улыбнувшись ее словам, Гарри обнял Гермиону одной рукой, получив в ответ удивленное

выражение ее лица.

Зарумянившись из-за своих действий, Гарри опустил руку и схватил свой чемодан. Бросив его на кровать, он начал набивать небольшое пространство какими-то вещами. Он подумал, что его пожитки были довольно скудными, когда клал внутрь старую одежду Дадли. Пожав плечами, он положил еще несколько школьных принадлежностей и предметов, которые были только его собственностью, думая о том, что привык обходиться без многих вещей всю свою жизнь. Так почему сейчас все должно быть иначе?

Завершив сборы, он закрыл крышку чемодана и снова посмотрел на лучшую подругу, отмечая недосказанность в выражении ее лица.

- Эй, все в порядке? - мягко спросил он.

Гермиона опустила голову, отчего ее волосы каштановым каскадом скатились вниз, скрывая лицо, но не раньше, чем Гарри увидел ее порозовевшие щеки.

- Я в порядке, Гарри, - она подняла голову, заправила волосы за ухо (что привлекло внимание Гарри хотя бы тем, что он нашел данный жест довольно привлекательным) и всмотрелась в лицо друга. - Просто надеялась провести остаток лета со всеми своими друзьями, а теперь ты уезжаешь во Францию до самого начала занятий.

- Не расстраивайся. Жан-Себастьян сказал, что мы вернемся в Англию на следующей неделе, и я уверен, что у нас еще будет шанс провести время вместе до начала занятий. Не знаю, где мы остановимся, но думаю, что вы сможете приехать и остаться с нами.

- Да, я бы этого хотела, - она снова улыбнулась, но в этот раз серьезнее. - Буду рада увидеть тебя, но, честно говоря, я за тебя беспокоюсь. Что ты будешь делать со всем этим?

Гарри пожал плечами:

- Пока я просто в шоке, я же говорил.

- Ты ведь не знал об этом заранее?

- Этим утром я впервые встретил Жана-Себастьяна, - подтвердил Гарри. - Хотя, мне кажется, я видел его с Флер во время турнира.

- И что ты об этом думаешь? - настаивала Гермиона. По некоторым причинам ответ на этот вопрос казался для нее важным.

- Ну... Мне помогает то, что она миленькая, - ответил Гарри с озорной полуулыбкой, будто

намекая на что-то.

- Господи, все парни только об этом и думают? – она закатила глаза. – Я имею в виду... Сначала комментарии Рона на Рождественском балу, а теперь и ты основываешь вашу будущую жизнь на внешности Флер. Вы когда-нибудь думаете о чем-то другом?

- Я же парень, Гермиона. Чего ты ожидала? – нахально усмехаясь, сказал Гарри. – Девушкам следует признать – внешность не последняя составляющая. Я имею в виду, что на месте Флер мог бы оказаться кто-то вроде Милисенты Булстроуд или Пэнси Паркинсон, - его, на первый взгляд, беспардонное заявление было завершено с театральной дрожью в голосе, заставляя Гермиону содрогаться от хохота.

- Гарри Джеймс Поттер! Ты серьезно?

- Ну хорошо, если ты настаиваешь... - растягивая слова, Гарри играл с девичьим терпением в ответ на ее раздражение. Она рассмеялась и снова закатила глаза, но потом бросила на него непритворно злобный взгляд. И Гарри решил, что сейчас самое подходящее время, чтобы ответить серьезно.

- Если честно, - он на мгновение задумался. – Я не знаю, что и думать об этом. Я имею в виду, что это было сделано без моего одобрения, и, можешь быть уверена, я буду говорить об этом с Сириусом. Но я думаю, это было сделано из лучших побуждений и в погоне за моими интересами. У нас с Жаном-Себастьяном состоялся разговор после суда, и он поделился со мной некоторыми своими мотивами и проблемами Флер, поэтому я понимаю, почему он дал согласие на этот брак.

- Когда-нибудь ты расскажешь мне об этом.

- Конечно.

Само собой, между ними никогда не было секретов – не было их в прошлом, и не будет в будущем, ведь он не отдастся от нее, независимо от наличия брачного договора.

- Наверное, мне надо думать об этом как о возможности расширить горизонт и завести связи за пределами Англии. Альянс с одним из самых уважаемых семейств Франции не мелочь, и когда-нибудь это сможет помочь в войне против Волан-де-Морта, - он лукаво улыбнулся, прежде чем продолжить. – Можешь мной гордиться, я додумался до этого сам.

Гарри пригнулся, улыбаясь как Чеширский кот, когда Гермиона шутливо шлепнула его.

- С другой стороны, - он посерьезнел. – Я совсем не знаю Флер. То есть, Жан-Себастьян рассказал мне немного о ее жизни, и почему она так складывается, но в моей памяти остались два воспоминания о ней, которые никак не хотят выходить у меня из головы. Это ее

задиристый тон, когда она назвала меня мальчишкой после того, как мое имя вылетело из кубка, и объятия, которыми она меня наградила после того, как я вышел из озера с ее сестрой. Как объединить два этих изображения в одно? Это ведь два разных человека.

- Понимаю, - кивнула Гермиона. - Думаю, тебе ничего не остается, кроме как познакомиться с ней.

- Да. И это одна из причин, по которым Жан-Себастьян хочет вернуться во Францию сегодня. Он сказал, что мне будет полезно узнать что-то о Флер и принять ее истинное лицо без каких-либо предубеждений. Он не хотел рассказывать мне о ней - он хотел, чтобы всю информацию я получил от нее. Он сказал, что ее высокомерие - не более, чем маска, и что, знакомясь с людьми, она сталкивается с большими проблемами из-за того, что она - Вейла. Мне нужно услышать ее, прежде чем я пойму, что она из себя представляет.

- Это разумно, Гарри.

- Я знаю, - он вздохнул и посмотрел вниз. - Кажется, у меня нет выбора? Теперь она - моя невеста, и мне лучше узнать ее как следует.

Истина наконец-то прозвучала, и они некоторое время просидели в молчании. Хотя за последние несколько часов столько всего изменилось, Гарри был счастлив, зная о том, что, независимо от того, что случилось, он всегда может рассчитывать на поддержку со стороны своих друзей, особенно со стороны Гермионы. Конечно, со временем ему придется делиться всем этим с Флер, но сейчас Гермиона была, безусловно, самым важным человеком в его жизни.

- Так что с Джинни и Миссис Уизли? - спросил он, прерывая тишину. - Кажется, будто они на что-то обижены.

Гермиона покачала головой и пристально посмотрела на друга:

- Честно говоря, Гарри, в некоторых вещах парни поразительно толстолобые, тебе так не кажется?

- Держу пари, что только когда дело доходит до девчонок, - Гарри отстреливался как мог. - Как сказал бы Рон, «ненормальные - они ненормальные»!

Глаза Гермионы округлились.

- Если бы вы хоть раз удосужились вовремя открыть глаза, вы бы так не думали. Они чуть не сошли с ума из-за изменения твоего холостяцкого статуса, дорогой Гарри. Ты должен был заметить, что Джинни всегда была влюблена в тебя, а Миссис Уизли столь же долго рассматривала тебя как потенциального зятя. Думаю, даже дольше, примерно с тех пор, как

начала рассказывать Джинни сказки на ночь о тебе, когда та была совсем маленькой.

Казалось, еще чуть-чуть, и глаза Гарри вылезут из орбит:

- Джинни? – протянул он недоверчиво. – Как... То есть... что... Но я же ее совсем не знаю! И она никогда не оставалась в одной комнате со мной на столько, чтобы я мог с ней поговорить или еще что-то. Он просто пищит и убегает!

- И что же, по-твоему, это значит?

Гарри был уверен в том, что выражение его лица было комичным, учитывая хихиканье Гермионы, но не был уверен, к чему она ведет.

- Она стесняется? Или я ей не нравлюсь?

Его вопрос встретили ярость и раздражение Гермионы, и он совершенно отчетливо понял, что его подруга считает его имбецилом.

- Гарри, ты когда-нибудь использовал ту штуку, которая находится у тебя над плечами? Удивительно, как ты смог увидеть то, что Рон ко мне что-то чувствует.

Еще больше запутавшись, Гарри выпучился на подругу:

- Да ладно, Гермиона, Рон – дело очевидное, учитывая то, как он за нами наблюдает и смотрит на тебя коровьими глазами, когда думает, что ты не смотришь. Кроме того, он четко дал понять мне это несколько раз, пытаюсь хоть как-то отдалить меня от тебя.

- О, он... Сделал это? – в ее голосе прозвучало неодобрение. – Может быть, мне нужно поговорить с Мистером Уизли и дать ему понять, что я не оценю подобные претензии на меня, как будто я какая-то... вещь, или что-то вроде.

Вот почему Гарри не хотел иметь с этим дела – за годы, что они дружили, Гарри уяснил, что ему лучше держаться подальше в спорах Рона и Гермионы, не говоря уже о том, что Рона обязательно зацепит содержание этого разговора.

- Если ты это сделаешь, ты больше не услышишь от меня ни единого слова.

Испепеляющий взгляд снова полетел в его голову, но Гермиона больше ничего не говорила – она просто в очередной раз разнервничалась и опять гневно посмотрела на Гарри, прозрачно намекая на то, что считает его, в какой-то степени, простаком.

- Гарри, причина ее молчания – ее влюбленность и застенчивость, которой слишком много, чтобы поговорить с тобой. Она всегда была увлечена тобой и не хочет, чтобы у тебя сложилось о ней неправильное впечатление. Она питалась историями о Мальчике-Который-Выжил с самого детства, и твое поведение в Тайной комнате на втором году обучения только укрепило в ее голове твой образ как образ идеального партнера.

«Очередная поклонница Мальчика-Который-Выжил», - подумал Гарри с некоторым отвращением.

Кажется, его чувства отразились на его лице, потому что Гермиона быстро протянула руку и положила ладонь на запястье Гарри.

- Не думаю, что она хочет быть с тобой только из-за твоей славы, но она влюблена в тебя на протяжении многих лет. Со временем, возможно, она справится со своим влечением и тебе станет проще узнать ее – повторюсь, не думаю, что Джинни – человек, который гонится за твоей славой.

Гарри кивнул, но все же кислое послевкусие осталось – в его окружении было достаточно людей, которые глядели на него, но не видели ничего, кроме мальчика, который пережил смертельное заклятие, едва явившись на свет. И, конечно же, он не хотел, чтобы младшая сестра одного из его друзей вливалась в этот хор.

Хотя, если Гермиона так убеждена в честности Джинни, он поверит ей. В конце концов, это больше не имеет вообще никакого значения – даже если Джинни не была никем иным, как фанаткой Гарри Поттера, его это не волнует: теперь он помолвлен.

- Спасибо за объяснение, Гермиона, - наконец, ответил он немного застенчиво. – Я никогда об этом не думал.

- Бестолковый, - ответила она с ухмылкой. – Вы, ребята, бестолковые.

- Лишь в некоторых вещах, - подтвердил он с добродушной улыбкой. – Но, думаю, мы продолжим этот разговор в другой раз – Жан-Себастьян хочет поскорее вернуться во Францию. Я должен идти.

Несмотря на то, что Гермионе не хотелось отпускать его так быстро, она кивнула в знак согласия, и они оба вышли из комнаты. Короткий лестничный пролет – и они в очередной раз за день вошли в комнату, где их ожидала остальная часть провожающих.

В комнате было тихо, гости разделились на несколько групп, негромко разговаривая между собой – Жан-Себастьян и Дамблдор вместе с Тонкс, Лунатиком и недавно прибывшим Мистером Уизли разговаривали возле Каминной сети, близнецы были с Роном, и Билл наблюдал за выходкой братьев с легкой улыбкой на лице. Принимая во внимание красное лицо Рона и его сдавленный голос, Гарри подумал, что Фред и Джордж снова устроили брату

взбучку. В углу, в наиболее удаленном от камина месте, совсем близко друг к другу сидели Джинни и Миссис Уизли, перешептываясь и бросая укоризненные взгляды на другой конец комнаты, предположительно – на нового опекуна Гарри. Поттер слегка нахмурился на них, до сих пор чувствуя себя не совсем комфортно из-за ситуации, о которой его только что осведомила Гермиона.

Встряхнув плечами, он прогнал их из своих мыслей – у него будет достаточно времени, чтобы разобраться с Джинни позже, если в этом, конечно, будет необходимость. Сейчас же настало время уйти.

С Гермионой, идущей сзади, Гарри пересек комнату и подошел к самой большой группе в комнате:

- Я готов, Жан-Себастьян.

- Отлично, - он повернулся к Дамблдору. - Если вы позволите, Директор, я хотел бы навестить старых опекунов Гарри и забрать все, что он у них оставил.

- Конечно. Я могу аппарировать туда вас обоих, а потом вы сможете вернуться и использовать этот камин, чтобы вернуться в Министерство и путешествовать через Международную каминную сеть.

- Простите, - прервал их голос Миссис Уизли. - Но Гарри должен был оставаться здесь до конца лета.

Гарри повернулся к матери своего лучшего друга, отметив, что лицо Жана-Себастьяна пересек хмурый взгляд, когда он тоже повернулся на источник звука. Тем не менее, его голос был вполне сердечным, когда он ей ответил.

- Возможно, ранее действительно был такой план, Мадам, но сейчас ситуация изменилась. Сегодня вечером Гарри поедет в замок Делакур со мной и останется с его крестным отцом и моей семьей до конца лета.

- Но что насчет его друзей?

Было видно, что Миссис Уизли его порядком раздражает, но ответ Жана-Себастьяна был таким же добродушным, как и до этого вопроса.

- Я не собираюсь запрещать Гарри видеться с его друзьями. Я вступил в должность посла Франции в Англии, так что мы приедем сюда в начале следующей недели. После этого Гарри будет отделять от его друзей только Каминная сеть, и он сможет посещать их в любое время. На самом деле, мы будем счастливы принять их у нас всякий раз, когда они этого захотят – мы рады, что у него есть друзья, которые помогали ему все время учебы в Хогвартсе. Но пока он

поедет во Францию со мной и познакомится с моей семьей. И мне кажется, что ему очень хотелось бы увидеть своего крестного отца, чтобы...

Гарри покраснел и вопросительно посмотрел на Жана-Себастьяна с извиняющейся улыбкой:

- Я хотел бы увидеть Сириуса. И мне кажется, что мне не мешает знакомство с Флер.

Ответная улыбка была образцом подлинной приязни, что снова спутало все мысли в его голове. Но Миссис Уизли все еще сомневалась:

- Но он, несомненно, должен быть со своим друзьями...

- Прошу прощения, мадам, - вставил Жан-Себастьян, пока она снова не начала говорить. - Но я думаю, что сам знаю, что будет лучше для моего подопечного. Гарри должен узнать свою невесту и свою новую семью.

- Мы его семья, - отрезала Миссис Уизли.

Все внимание Жана-Себастьяна теперь было направлено на мать семейства Уизли, и в то время, как она явно чувствовала себя неудобно в центре его недовольства, она приняла игру, отвечая ему тем же.

- Не думаю, что Гарри считает вас своей семьей, учитывая то, что я знаю о времени, которое он провел в вашей компании последние несколько лет.

Она начала, было, заикаться, пытаясь сказать что-то в ответ, но Жан-Себастьян не дал ей такой возможности.

- Прошу вас, Миссис Уизли, Гарри оставался с вами на... несколько недель лета? Я знаю, что он отсутствовал большую часть лета до третьего курса. Он вряд ли стал вам как еще один сын за столько короткое время, если вы под своим утверждением не имели в виду что-то другое...

Ее рот закрылся с еле слышимым клацаньем зубов, но гневный взгляд не покидал ее лица. Жану-Себастьяну, однако, было это безразлично.

- Как я уже говорил, я благодарен за поддержку вашей семье и другим знакомым Гарри, - он кивнул Дамблдору и Ремусу, - за их поддержку и помощь, но однажды он станет моим зятем. В настоящее время он находится под моей опекой и, в конечном счете, станет частью моей семьи.

Его тон пресекал всякие разногласия. Несмотря на то, что Миссис Уизли была все еще расстроена, она понимающе кивнула и поднялась со стула, приближаясь к Гарри с теплой

улыбкой на лице.

- Гарри, дорогой, помни, что мы твои друзья, и мы будем счастливы, если ты захочешь остаться с нами в любое время. Увидимся на следующей неделе, когда ты вернешься из Франции.

Она приобняла его, а потом, одарив Жана-Себастьяна властным взглядом, вышла из гостиной. Гарри улыбнулся, увидев, что Жан-Себастьян поднял бровь, указывая на свою готовность переместиться. Коротко попрощавшись с друзьями, Гарри подобрал свой чемодан и вышел вслед за ним, направляясь по коридору через парадную дверь, желая наконец увидеть Сириуса и начать новую жизнь.

<http://tl.rulate.ru/book/50520/1263405>